

ГУМАНИТАРНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ.
НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Перспективы
социальной консолидации

Круглый стол

МЕДИАЦИЯ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КАТЕГОРИЯ*
Институт социологии РАН. 22 февраля 2013 г.
Часть 3

Организаторы Круглого стола:

Центр политологии и политической социологии,
Центр социологии управления и социальных технологий
Института социологии РАН
совместно с Российским обществом социологов (РОС)

Ведущие: А.П. Давыдов, А.С. Железняков, А.В. Тихонов

А.С. ЖЕЛЕЗНЯКОВ. Я думаю, мы продолжим тему изучения менталитета человека, если обратимся к докладу Игоря Григорьевича Яковенко.

И.Г. ЯКОВЕНКО. Коллеги, проблема медиации, на самом деле, не прояснена, поэтому мы и собрались с вами здесь. Она вызывает ряд вопросов. Прежде всего, эта сфера не устоялась категориально и понятийно. В понятие «медиация» вкладываются различные смыслы. Возникает вопрос: зачем вообще надо искать середину? Насколько универсальна такая потребность? **У меня есть ощущение, что человек архаический середину не искал.** Либо антропологи и, соответственно, специалисты по древней истории недостаточно анализируют материал, с которым они работают, либо поиски срединной культуры в палеолите и в архаике не просматриваются. Почему это так? – интересный вопрос.

На мой взгляд, **стратегия медиации возникает вместе с государством и цивилизацией.** Я, вообще-то, культуролог и цивилизационист, так что эти проблемы лежат в поле моих профессиональных интересов. Есть простая универсалия. В культуре единство онто- и филогенеза устойчиво соблюдается, например, маленькие дети проходят какие-то стадии предшествующего историко-культурного развития. Для трех-

* Продолжение. Начало см.: ФН. 2013. № 11, 12.

семилетнего ребенка важно ценностное маркирование всего того, что разворачивается у него перед глазами. Когда он смотрит фильмы или что-то читает, то спрашивает: «А вот это хороший или плохой?». Его мир жестко разделен на черное и белое. Ребенку важно развести реальность по полюсам. Люди старших поколений хорошо понимают, о чем я говорю. Лет сорок назад в провинциальном кинотеатре во время просмотра американского фильма девочка лет 15-ти спрашивала у своей подруги по поводу новых персонажей — «Это наши или немцы?» Такое разведение принципиально важно для традиционного человека; он живет в этой парадигме.

Возьмите русскую сказку: в ней на одном полюсе обретаются «добры молодцы» и «красны девицы». А на другом — «идолище поганое» и «Кощей бессмертный». Разведение по полюсам оказывается фундаментальным ориентиром в архаическом космосе. Другое дело, что мир архаического человека наполняет масса амбивалентных сущностей и с ними все не так просто. Но в идеале — архаический, традиционный человек тяготеет к однозначному пониманию реальности.

Поиски середины разворачиваются только тогда, когда человек попадает в гетерогенную социокультурную ситуацию. А такая ситуация складывается не ранее, чем происходит формирование городов и зрелой государственности, когда сосуществуют разные субкультуры, другие модели поведения, когда человек соприкасается с иными культурными космосами. И для этого надо осознать мир как структуру тетрарную. Есть не только ночь и день. Есть богатая палитра переходных состояний — есть заходящее солнце, есть тучи небесные, освещенные светом зашедшего за горизонт светила, есть сумерки. Такая модель сложнее, но она, по всей видимости, адаптивна и необходима. Цивилизация — это продвижение людей по пути постижения мира как сложного многообразия, в котором обречен пребывать человек. Лишь в такой реальности медиация обретает смысл.

Однажды на пространствах Ойкумены произошла значимая историческая мутация, которая привела к рождению того, что мы называем Евроатлантической цивилизацией. **Одна из ключевых особенностей евроатлантической цивилизации — стратегия зрелой медиации.** Об этом сегодня говорилось в нашей дискуссии. В цивилизации Запада медиация имеет высокий статус и принадлежит к значимым навыкам. Люди Запада умеют это делать, этому учат с детства, установка на медиацию для них естественна. Так вот, названная характеристика евроатлантической цивилизации обуславливает высокие конкурентные преимущества Запада. Это очень важный момент.

Мы же в России живем в другой реальности. В силу специфики генезиса и вызревания российской цивилизации, наша культура тяготеет к разделению и инверсионным переходам. Русь возникла на глубокой окраине Средиземноморья. Здесь был реализован пе-

риферийный тип генезиса цивилизации, когда государственность и культура возникают на «голом месте» под воздействием соседних цивилизационных центров. **В российскую социокультурную реальность вошли большие объемы поздне-палеолитического и неолитического человеческого материала.** Эти пласты культуры в значительной степени консервировались, демонстрировали большую устойчивость и сохранились вплоть до сегодняшнего дня. Мы забываем о том, что вплоть до конца XIX в. сельская глубинка изолировала себя от государства, откупалась от него податями и рекрутчиной и жила по законам догосударственного бытия. Говоря о нашей специфике, надо упомянуть имманентную статичность православия. Российское православие и востребовало и идеально накладывалось на сакральную власть, словное общество, христиано-языческий синкретизис народной культуры. Этот универсум фиксировался вокруг русского православия.

Географическая удаленность от центров мировой динамики оборачивалась слабой включенностью в напряженные потоки исторического развития; так продолжалось века до XVII. А затем Россия в нарастающем темпе включается в неимманентный тип развития. Сколько я ни вглядываюсь в историю нашей страны, она всегда развивается, влекомая внешним историческим императивом. **Саморазвитие, т.е. медиационный процесс, просматривается на наших просторах крайне слабо, его, в общем, и не видно.** Что, впрочем, закономерно: ни одно из православных обществ, начиная с Византии, способности к саморазвитию не демонстрирует.

Я отстаиваю тезис, согласно которому **медиация выступает одной из значимых предпосылок исторической динамики. Соответственно, в России сложился культурный комплекс, в котором зрелая медиация многообразно блокируется на самых разных уровнях.** Давайте признаем, что в русской культуре середина статусно снижена. Практики компромисса, переговоров, дискуссии, которые позволяют реализовать стратегию медиации, устойчиво профанированы. В русской культуре присутствует мощный пласт манихейского миропереживания. Если мы возьмем интеллигентскую культуру, даже не народную — интеллигентскую, то обнаружим: если там присутствует негативный персонаж, так это злодей, если герой — так он герой. **А серединка, кисло-сладкая, без полюсов — лишена культурного статуса (вспомним тип чеховского персонажа — «кисляй»).** Эта середина не заставляет сердце русского человека биться по-настоящему, не свидетельствует об интеллектуальном мужестве, мудрости, достоинстве. Можно восхищаться тираном, можно восторгаться террористом-народовольцем, а кого притягивала «теория малых дел»? Вспомните, как жалко звучат слова персонажа Андрея: «Я секретарь земской управы» в пьесе Антона Павловича Чехова.

О.И. ВЕЛИЧКО. А Золотой, Серебряный век?

И.Г. ЯКОВЕНКО. Серебряный век нам с вами говорит о многом, но в том числе и о том, о чем говорю я. **В России нет культуры компромисса.** Культура компромисса как особая сфера культуры, со своими технологиями, навыками, с ценностью компромисса отсутствует. Если традиционно ориентированный человек идет на осознанный компромисс, он испытывает чувство неловкости. Это некоторый грех. Поэтому и называется так известная ТВ-программа — «К барьеру!» В нашей культуре доминирует извращенное представление о диалоге, не имеющее ничего общего с его классическими формами, сложившимися еще в Античности. Сравним диалоги Сократа, которые мы читали, и типичный российский диалог. Здесь бросаются в глаза два момента: эмоциональное отторжение позиции оппонента и отсутствие способности различать высказывание и автора высказывания. Я имею в виду аргументы *ad hominem*. Вместо обсуждения заявленного тезиса, среднестатистический россиянин начинает с того, что оппонент — козел. «Дурак! — Сам дурак! — Сейчас в глаз дам!» Вот абсолютно типичный сюжет диалога. Загляните в Интернет. Идея о том, что диалог — это совместный поиск истины, и в результате его участники обогащаются новыми идеями и аргументами, отторгается русской культурой.

Истоки этого отторжения многообразны. Это и **манихейская доминанта**, о которой я говорил выше, и **идеал палеосинкрезиса**. Концепт палеосинкрезиса как идеала разрабатывается в моих книгах. В основаниях ментальности русского человека лежит идея о том, что абсолютное, идеальное, высшее состояние предполагает нерасчлененную, слитную целостность всего со всем, когда не разделились, не выделились род занятий, социальный субъект, профессия, имущественные статусы — все со всем слито. Когда власть не отделена от собственности, социальная функция — от человека, человек — от родового целого. Когда все занимают всем и нет купцов, ремесленников, адвокатов. Когда культура распределена в сознании ее носителей и нет «грамотеев», интерпретаторов, профильных специалистов. Эта слитность имеет высшую, космическую ценность: она идеальна, трансцендентна и в этом заключается самое главное. Когда палеосинкрезис переживается как идеал, то поиски середины просто бессмысленны, ибо середина возникает там, где есть полюса (власть — подвластные, знатоки — профаны, богатые — нищие), а значит там, где есть движение. Причем палеосинкрезис предельно нагружен эмоционально, он не отвлеченно-умозрительный; это способ понимания мира и формирования чаемого состояния, Опонского царства. Если мир един, то и истина заведомо едина и совершенна. Тогда оппонент — не кто иной, как еретик, посягающий на искажение сакральной истины и раздробление Вселенной.

В нашей культуре есть еще и такой **конструкт: «должное» в его опозиции «сущему».** Должное — это некоторое идеальное состояние

человека, человеческих отношений, мира, нашего народа, к которому мы все стремимся. Или говорим себе, что стремимся, или делаем вид, что стремимся. Но декларация об устремленности к должному субъективно очень важна для русского человека. А сущее — это наличное бытие, от которого носитель традиции эмоционально отталкивается. По необходимости он живет в этом бытии, но презирает и отторгает его. В реальности он гребет под себя, лебезит перед начальством, делает карьеру. Но это все — жизнь внешняя. Его подлинная, потаенная жизнь состоит в грезах о должном. Где-то там, в Небесном Иерусалиме, пребывает его двойник, который не ворует, не тиранит близких, не грешит демагогией. Этот двойник ведет себя совершенно по-другому. Сплошь и рядом собственная практика носителя идеи Небесного Иерусалима не имеет ничего общего с образом двойника. Но он идеальный ведет себя именно так.

Человек, который видит мир через призму должного и сущего, отторгает поиски середины по фундаментальным основаниям, потому что человек должен быть абсолютно праведным. Помните такую работу Николая Лосского «Условия абсолютного добра»? Я дожил до 67 лет и до сих пор не постигаю, что такое абсолютное добро. Этот конструкт не вмещается в моей голове. А с точки зрения Лосского и его почитателей поиск абсолютного добра есть глубинная потребность и ядро характера русского человека. Так вот, **идея медиации — релятивистская, и любые релятивистские стратегии поиска середины лежат в совершенно иной системе координат.**

Далее, в русской культуре присутствует элемент, который я называю «**эсхатологический комплекс**». Что это такое, объяснять не надо. Человек, осознавший и постоянно помнящий о том, что мы живем при последних днях творения, а мир этот обречен — такой человек не может быть носителем медиационного мышления, потому что для такого человека сама идея о повышении эффективности деятельности бессмысленна и греховна. Надо готовиться к концу, надо очиститься от всего, что налипло на этой грешной земле, воспарить душою, готовиться к Страшному суду. Это совершенно иная базовая установка.

Наконец, упомянутая нами **манихейская интенция**. Скажем честно, любой носитель русской культуры несет в себе компоненту манихейства. Это относится и ко мне, поскольку я всю жизнь прожил в России. Манихейская компонента может быть более или менее отрефлектирована, но непременно существует. Мир не только делится на два полюса, но эти полюса эмоционально и ценностно насыщены. Абсолютизация полюсов — это концепт: есть добро и есть зло, есть дух и есть материя, они находятся в вечной космической битве, и потому абсолютизация этого способа понимания мира для носителей русской культуры — универсалия понимания, переживания и действия. В итоге — и конфликт в коммунальной квартире, и борьба

с соперниками на работе, и понимание взаимоотношений между Россией и Америкой – все это вкладывается в парадигматику манихейского Вечного боя. Манихей в принципе не способен к диалогу. **Зрелая медиация, отвергающая абсолютность полюсов – это некоторое греховное занятие, которое внушено дьяволом.** Если кто-то из «них», чужих, врагов, собирается наладить с нами взаимоотношения, если он побуждает нас, понимаете ли, разоружиться, расслабиться – это страшная дьявольская уловка. Как только мы пойдем на этот диалог – тут нам и конец. В богословской литературе я нашел потрясающий образ, иллюстрирующий данный тип мировосприятия: если душа недавно почившего человека пролетает над адом и если эта душа в силу греховного любопытства посмотрит туда, вниз – бесы, ухватившись за взгляд, утащат душу в ад! Это же гениальное выражение антимедиации. Да, это Плотин. Заметим, Плотин оказал огромное влияние на развитие восточно-христианского культурного универсума.

Следующий элемент русского культурного ядра – **мироотречная, или гностическая установка.** Эта сущность не так легко воспринимается. Некоторые русские мыслители высказывали подозрения на этот счет. Я же глубоко убежден, что русская культура глубинно мироотречная, гностическая по своим основаниям. Заметим, что любые гностические смыслы на уровне обыденной жизни, на уровне бытового общения сразу встречают хорошую ответную реакцию. Лет пятнадцать назад я зафиксировал, что российский разговор при встрече двух людей обязательно начинается с ритуального обмена негативными новостями. Дальше может начаться нормальное общение, но обмен негативными новостями обязателен. На вопрос «Как дела?» собеседник отвечает в духе: «Ничего хорошего» или сообщает о некоторых напастях. А дальше разворачивается обмен неприятностями: «А у меня это. А у меня вот это». Общий смысл этого блока общения состоит в том, что все плохо, а завтра будет еще хуже. При том, что участники беседы искренне полагают, что обмениваются новостями, по существу они выполняют культурный ритуал. Смысл этого ритуала – демонстрация себя как честного мироотречника и подтверждение мировоззренческого консенсуса. Когда я говорю «гностицизм», то не имею в виду теоретизированную и отрефлектированную гностическую установку. Но сущностно – это гностическое миропереживание. **В рамках гностического мировидения зрелая медиация категорически невозможна,** потому что сама по себе гностическая установка глубинно асоциальна, пронизана безнадежностью. А медиация, как раз, предполагает некоторую активность – интеллектуальную, социальную, творческую. Медиация необходима для того, чтобы понять мир, в котором мы живем, освоить его, оптимизировать, совершенствовать, изменять. А человек, постигший гностическую суть бытия, знает, что этот мир безнадежен, обречен, а потому и делать в нем что бы то ни было – бессмысленно.

Дальше. Надо говорить о **сакральном статусе власти и разделении субъектности между властью и подвластными**. Сегодня это упоминалось в несколько иных терминах. Ведь субъектность в России предписана носителю иерархии. А кто не осознает себя носителем иерархии, тот не может устанавливать меру и осмысливать бытие. Это — домен власти. Верноподданный получает от пастырей модели мира и конкретные установки, актуальные на сегодняшний день. А медиацией занимается власть. Там сидят умные люди, наделенные статусами, а твое дело — телячье. Это очень важный момент, который коренится в культуре и надо его учитывать: традиционная власть — абсолютный субъект, подвластный — абсолютный объект. А умствовать, искать какую-то меру, середину, искать ей основание — это не дело традиционного человека, потому что искать чему-то новое основание — не дело традиции.

И, наконец, мы забываем о том, что **русская культура — культура репрессивная**. Репрессивность пронизывает всю русскую реальность. В России нет человека, нет ни одной графы социальной иерархии, которая гарантировала бы безусловным законом или традицией социальные статусы, благополучие, неприкосновенность. В зависимости от диспозиции человек может рисковать больше или меньше, но: «Все мы под Богом ходим», «От тюрьмы, да от сумы не зарекайся» и т.д. Вы это знаете не хуже меня. Репрессивная интенция культуры задала в свою очередь объектный статус человека, жестко противостоит вычленению автономной личности, и медиация по своей природе в мир высокой репрессивности не komponуется. Сейчас не стоит прослеживать причинно-следственные цепочки; это громоздко, но, я думаю, вы со мной согласитесь.

Я полагаю, что сама по себе медиация предполагает высокую степень вычлененности отдельного субъекта, когда возникают и укрепляются медиативные социокультурные стратегии. Вспомним Сократа, Апулея, в более поздние времена Августина, Николая Кузанского; медиация разворачивается на фоне процесса вычленения автономной личности. Личность — субъект медиации. А русская культура своим синкретическим идеалом личности противостоит. Вот на этом я бы закончил, поскольку проблемы медиации — это проблемы отдельного человека. Медиация вытекает из потребности понимания мира автономной личностью, которая не может обходиться традиционной мифологией.

А.С. ЖЕЛЕЗНЯКОВ. Спасибо. Разумеется, сейчас будут бурные вопросы и обсуждение.

О.И. ВЕЛИЧКО. Я хотела бы поставить вопрос по-другому. К какой России относится то, о чем вы говорили: к России XVIII, XIX, XX, XXI века?

И.Г. ЯКОВЕНКО: Невозможно все объять в коротком выступлении. Русская культура начинает модернизацию со второй половины XVII в.

Как и всякая догоняющая модернизация, она развивается следующим образом: в российском обществе, а значит и в русской культуре, возникает модернизированный слой. Это элита, которая разворачивает модернизационные преобразования. Онтологически слой, порождающий модернизационную элиту, очень сильно отрывается от той традиции, которую я описывал. Ведь все то, о чем я говорил, прежде всего, лежит внутри традиции. Естественно, что такой разрыв порождает какие-то опосредующие феномены. К примеру, русская интеллигенция по образованию, по сумме бытовых привычек была явлением западным, а по сущностным основаниям была явлением глубоко русским. Среди прочего, интеллигенция была пронизана интенцией объединить два потока истории, два народа, ликвидировать разрыв между патриархальным крестьянином и европейски образованным носителем высокой культуры. На мой взгляд, **русская интеллигенция кончается вместе с поколением шестидесятников XX в.** Все то, что идет после них — а это разворачивается на наших глазах — никакая не интеллигенция, таково мое глубокое убеждение.

Сегодня есть две России, две России было и в начале XX в. Потом вторую, модернизированную Россию, народ благополучно вырезал, а где-то с середины 60-х гг. наша целостность вновь разделяется на две России. Сегодня этих Россий снова две и они качественно различны. Вторая Россия — личностная, вестернизированная. Разумеется, в реальности наблюдается масса конкретных феноменов и переходных состояний. Отдельные люди пронизаны личностным началом в разной степени. Но **есть некоторый качественный порог, за которым начинает доминировать личностное начало. Если человек не доходит до этого порога, то при любом воспитании, образовании, академических статусах он человек роевой, целостный, ориентированный на растворение. А тот человек, природа которого лежит за этим порогом, принадлежит личностной культуре.** Эта принадлежность — качественная. Она так же жестко не зависит от профессий и статусов, хотя статистические закономерности здесь работают, и вы их хорошо знаете.

По этому критерию наше население, наша страна, наша культура разделяется на два блока. Самая большая проблема состоит в том, что эти культуры онтологически разные, при том, что они живут под одной крышей, сущностного диалога между ними быть не может, потому что это разные вселенные. А историческая специфика состоит в том, что субъекта, воплощавшего интенцию к объединению этих вселенных, не осталось. **На смену русскому интеллигенту пришел буржуазный интеллеktуал,** который ничего, кроме отчуждения и холодного презрения к традиционно ориентированной массе не испытывает. Вот мой ответ.

В.Г. ФЕДотова. Есть еще понятия консерватизма, идеализма, социализма, национализма. Как быть с этой точки зрения?

И.Г. ЯКОВЕНКО. Видите ли, в чем дело. Убеденный консерватор может быть личностью, и тогда он будет принадлежать личностной культуре. А может быть доличностным традиционалистом. Какой он — архаический, традиционный, нерасчлененный или автономный, рациональный, выпавший из мифологического сознания — решают базовые интенции ментальной сферы. В этом отношении **политические ярлыки вторичны**. Сами по себе они не гарантируют качественной (ценностной) определенности в том смысле, о котором я говорил выше.

Человек, искренне позиционирующий себя как демократ или либерал, может быть абсолютно традиционным, неспособным мыслить, неспособным к разделению познания и оценки, ориентированным на авторитетное суждение, зависимым от доминирующей в обществе позиции и т.д. Если носитель традиционного мифологического сознания становится западником, он мифологизирует Запад. Если почвенником — мифологизирует кровь и почву. В данном случае надо вести анализ по более существенным основаниям. А, скажем, коммунист, фашист или монархист — по типологии сознания и по базовым интенциям они могут не различаться. Традиционные ценности, твердая власть, одна идеология. Различия между ними носят модальный характер. Я веду речь **о типологии ментальных структур**, а не о типах убеждений.

В.Г. ФЕДОТОВА. Игорь, а вот это все, о чем вы говорите — только русские, или, может быть, славяне, или, может быть, православные, или, может быть, вышедшие из традиционного общества не так давно?

И.Г. ЯКОВЕНКО: Давайте, посмотрим. Чехи, как я знаю, славяне. Насколько я знаю чехов и чешскую культуру, это центрально-европейский народ с остро выраженным европейским самосознанием. При том, что большинство чехов считает себя атеистами, это народ католической культуры, вызревавший в зоне германского доминирования. Украинцы — я не чужд украинскому народу и его культуре. Можете мне поверить: по сравнению с русскими украинцы другие. Украинiec, прежде всего, — «куркуль»; в нем сидит неистребимое личностное начало, он человек экономически мыслящий, что в русскую культуру входит с большим трудом. Украинiec — республиканец, это лежит в украинской онтологии. Украинiec твердо знает, что «моя хата с краю». Ему империя не нужна, пафос империи чужд украинцу, а украинiec, который воспринял имперское сознание, просто перестал быть украинцем. Так что со славянами, я думаю, все очень по-разному. Я не знаю болгар. Далее, я полагаю, что сербы, как люди имперские, ближе к тому культурному комплексу, который я описывал, хотя они складывались и существуют в другом геополитическом и культурном контексте. Я имею какое-то представление о Хорватии, я там бывал. Вы знаете, это такая добротная, глубокая европейская провинция.

Западные обыватели, вечерами пьют кофе, строят очень аккуратные домики...

В.Г. ФЕДОТОВА. Они католики.

И.Г. ЯКОВЕНКО. Именно. Средиземноморская католическая провинция. Я же говорил о православной Ойкумене. О культуре, порожденной фундаментальным событием 1453 г. Из этого и вырастает Россия.

Кстати, если говорить об этническом типе, то русские, как я понимаю, по преимуществу, финно-угры. Другое дело, что это русифицированные финно-угры. В этом — еще одна грань уникальности российского феномена. Я ведь формулирую некоторую *differentia specifica*, в сумме характеристик описывающую именно Россию. В какой мере названные мною признаки можно просматривать у любых других народов — тема специального разговора.

А.П. ДАВЫДОВ. Ты, как всегда, выступил блестяще. Ты сам видел по реакции зала. Сначала реплика. Ты рассказываешь о так называемом ядре русской культуры, ее культурном коде. Ты говоришь, что он собран из устаревших сегодня культурных стереотипов, которые все еще доминируют в нашем менталитете. Отсюда вопрос. Значит ли это, что этот культурный код требует модернизации, т.е. замены, проще говоря, он должен постепенно отмереть и на его месте должен вырасти другой, более современный как результат действия медиации? Если «да», то как это может произойти и какой другой?

И.Г. ЯКОВЕНКО. Трансформация культурного кода — событие революционное и достаточно драматичное. В двух словах об этом не скажешь. **Смена культурного кода происходит через физическое выбывание из бытия носителей уходящего кода и утверждение следующей генерации, отличающейся по своей ментальной конституции.** Однажды складывается ситуация, когда внуки и деды разговаривают на разных языках. Сущностное общение между ними становится невозможным. Так реализуется коррекция ментальных моделей. А характеристики нового культурного кода сходу я не опишу. Могу только сказать, что он конституирует полностью модернизированное сознание, лишенное базовых характеристик традиционной модели. Я знаю людей, живущих в нашей стране и говорящих на русском языке, но полностью отчужденных от базовой конфигурации. Это такое «next generation».

А.П. ДАВЫДОВ. И еще вопрос. Как ты думаешь, вот эту (архаичную, традиционную) составляющую нашей ментальности можно как-то количественно измерять?

И.Г. ЯКОВЕНКО. Мы говорим про отдельного человека или про общество в целом? Знаешь, давай дифференцируем это. Можно говорить об отдельном человеке, можно говорить о группах, можно обо всем обществе.

А.П. ДАВЫДОВ. Не принципиально. Я говорю о человеческом в человеке у нас в стране, в принципе. О менталитете.

И.Г. ЯКОВЕНКО. Да, я догадываюсь. Культуролог и социолог — очень разные и в известном смысле сложно сочетаемые сущности. Но это — заметки на полях. А теперь по твоему вопросу. Я полагаю, что грамотно составленные опросы, тесты могут выявлять качественные характеристики: человек ложится скорее в эту группу или в другую. Это можно выявить на уровне опросов. А вот меру, если угодно, рационализации или меру принадлежности к традиционному сознанию — я думаю, эти вещи трудно шкалировать.

А.П. ДАВЫДОВ. Невозможно?

И.Г. ЯКОВЕНКО. Я не представляю себе, как это можно сделать. Либо ты в одном кластере, либо в другом. А менталитет человека раздвоен.

А.В. ЖАВОРОНКОВ. Можно два слова по поводу Вашего ответа? С 1990 г. я провожу в ИС РАН тест Ядова на инновацию и консерватизм. Этот тест был разработан под его руководством группой ленинградских социологов во главе с О.С. Советовой и адаптирован мной для массового опроса в анкету последнего Всесоюзного исследования. Там было восемь суждений, с которыми респондент должен был выразить степень «согласия — несогласия» на шкале из четырех пунктов. Согласие с четырьмя суждениями типа «Верна пословица: “старое под новое не подкрасишь”», поэтому нужно решительно вводить новое» говорило об инновационном настрое респондента. Несогласие с суждениями типа «Я симпатизирую тем, кто проявляет осторожность и осмотрительность в делах» также говорило об инновационном настрое. Была построена шкала от восьми максимально инновационных оценок до 8 максимально консервативных оценок, и распределение населения страны на этой шкале оказалось близким к нормальному. И получается вот что: 18% «консерваторов», 17% «инноваторов» в 1991 г. В 2012 г. распределение примерно такое же: 17% консерваторов, 13% «инноваторов». Структура на протяжении уже 25 лет устойчива. Отклонения в пределах статистической ошибки по выборке.

А.С. ЖЕЛЕЗНЯКОВ. Это по стране?

А.В. ЖАВОРОНКОВ. По стране. Из 9 672 человек по выборке 1991 г. тест был предложен 3 437 респондентам. В 2012 г. тест предложен 3 365 респондентам, всем в выборке. Самое интересное было в том, что не было выявлено особых связей групп по степени «консерватизма — инновационности» с какими-либо демографическими признаками. Однако и в 1991 г., и в 2012 г. «инноваторы» больше хотят поехать в западные страны, например во Францию и США, а «консерваторы» в Китай. И к 2012 г. начинает влиять на ориентацию людей сама возможность туристической поездки. Сейчас соотношение ментальных начал начинает меняться. Кроме того, по данным нашего с Тихоновым

исследования 2012 г. на представительную демократию ориентировано явно около 10 – 15% населения. 50 – 60% – на сильную власть. Но это очень подвижные структуры. И люди входят и выходят в эти «социальные анфилады», а для нас самое главное, что мы можем измерять объемы и активность, а также ментальности этих структур.

З.Т. ГОЛЕНКОВА. Но в России есть не только те культурные типы, о которых говорил Яковенко. Есть много разных типов. Можно построить такой дискурс, чтобы, так сказать, схватить эти типы.

А.В. ТИХОНОВ. Яковенко нужно сделать отдельный доклад на эту тему. Сейчас он просто назвал, перечислил некоторые культурные формы, из-за формата нашего мероприятия не очень углубляясь в анализ.

А.П. ДАВЫДОВ. У Яковенко таких позиций около 20. И одна важнее другой. Вопрос ко всем: существуют ли такие исследования, которые изучали бы эти градации в количественном отношении?

А.В. ТИХОНОВ. Я думаю, нет. Дело в том, что дискурс нужно разрабатывать. Я думаю, что возникает очень соблазнительная перспектива создать социологический дискурс, который бы мог несколькими этапами методического аппарата схватить все эти явления. Другое дело, что они, конечно, будут, так сказать, переходными, реагентными. Но насколько они структурно присутствуют в общественном сознании – вот что интересно.

А.С. ЖЕЛЕЗНЯКОВ. Слово предоставляется Зинаиде Тихоновне Голенковой.

З.Т. ГОЛЕНКОВА. Разрешите мне вернуться к социологическому дискурсу. Ряд выступающих, так или иначе, затрагивали этот вопрос. Проблема, которую обсуждаем мы сегодня, имеет прямое отношение к социологии, к согласию. Упоминался средний класс, например, Валентиной Гавриловной. Это тема, которая лежит совсем близко к той проблематике, которую мы сегодня обсуждаем в культурологическом плане. Так вот, мне хочется вспомнить те же 90-е гг., когда социологи проводили исследования, и даже книжки выходили такие – «кто проиграл, кто выиграл». Это к вопросу о том, что мы всегда, так сказать, пытаемся создать оппозицию.

Через некоторое время мы увидели, что это совсем бесперспективный путь развития: одни проиграли, другие выиграли, ну и что? Тут и вспомнили, что **есть в обществе те, кто и не проиграл, и не выиграл, и это середина.** Постепенно социологи вернулись к исследованию средних слоев. Поляризация общества, причем стремительная, поневоле поставила эту проблему. Есть богатые, есть бедные, но есть же какой-то кусочек и середины. Плохая она или хорошая, но она есть, как и в любом обществе. В российском обществе она тоже обнаружилась. Возвращаясь к 90-м гг., хочу сказать, что когда мы проводили первые исследования по средним слоям, у нас в некоторых регио-

нах, по нашим данным, по ряду критериев их было не больше 6 – 9%. Наши политики в то время, особенно перед выборами Ельцина в президенты, понимали, что получается что-то мало, а чтобы общество у нас стало развиваться стабильно, нам нужен средний класс. Я очень хорошо помню то совещание, которое проводил Гайдар. Мы, так сказать, удостоились того, что нас пригласили, поскольку мы проводили эти исследования и у нас были какие-то публикации. Мы пришли на этот Круглый стол, пригласили ученых из академических институтов, политиков – представителей от различных партий и объединений. На столах лежал раздаточный материал. Гайдар произнес перед нами проникновенную речь: как это было бы хорошо, чтобы в обществе была середина, чтобы не было такой поляризации, и как это нехорошо, когда такие крайности в обществе. Все были согласны с этим. А дальше, посмотрев на этот раздаточный материал, он сказал, что они проводили исследования, советовались с экспертами – так вот, теперь у нас в обществе уже чуть ли не 50% средних слоев. Мы очень удивились. Я не стала молчать и спросила: «Подождите, а где вы брали эти данные, из каких источников? По нашим данным, например, в Калмыкии всего 6% населения может быть отнесено к средним слоям, в других регионах – где-то 9%, и то с большой натяжкой». Прошло много времени, почти 20 лет, и что мы слышим? Путин говорит, что к 2020 г. доля среднего класса в России должна составлять 70 – 75%. Это нормальные цифры для многих экономически развитых стран, для стабильных обществ. У нас есть многие предпосылки для этого.

Так что сегодня средние слои, или средний класс, для социологии очень важная проблема. У нас в институте уже проведены три исследования, основанные на всероссийской выборке, и выявлена тенденция постепенного увеличения среднего класса. До последнего кризиса эта тенденция, в общем-то, была довольно стабильной, так же, кстати, как и в Китае. Хочется верить и надеяться, что мы действительно станем стабильным обществом. Интересные данные по этой проблеме для тех, кто заинтересован, можно найти в книгах: «Средний класс в России» (М., 2008); «Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества» (М., 2012).

Кроме того, мне кажется, это в политическом плане довольно сложный вопрос, потому что, во-первых, эти средние слои не гомогенны, они по-разному представляют себе будущее России, в том числе в политическом плане. Не случайно в средних слоях стали выделять средний высший, средний средний (что это такое: медиация медиации?) и средний низший. Тут тоже возникают проблемы. Есть ядро среднего класса, есть его периферия, которая при благоприятных условиях будет способствовать тому, за счет чего будет расти это ядро. В общем, мне кажется, что это не такая простая проблема.

И второе мое замечание связано с тем, что российское общество, может быть, не такое как это здесь категорично говорилось, и одновременно что Россия всегда такая, как здесь говорилось. Мне кажется, что наши стремительные реформы способствовали тому, что мы реагируем на них и негативно, и не совсем адекватно. В свое время Дюранты издали книгу «История человеческого общества» в 12 томах, начиная с первобытного общества и до наших дней, и сделали очень важный вывод, что **стремительные перемены всегда приводят к негативным последствиям. И то, что у нас сегодня происходит, в общем, наверное, в значительной степени результат этих стремительных перемен, когда люди не могут так быстро адаптироваться, приспособиться к новой жизни.** А тут еще глобализация, модернизация, конфликты между традицией и инновацией. Не так просто со всем этим справиться. Поэтому, мне кажется, **мы сегодня обсуждаем действительно очень важную проблему. И я надеюсь, что мы не ограничимся только сегодняшней встречей, что она будет как-то продолжена и, кто знает, возможно, нам удастся предложить какие-то разумные решения. Мне хочется в это верить, и я надеюсь на это.**

Еще одна ремарка возникла у меня по поводу того, что мир развивался все время под знаком атлантической цивилизации, или атлантизма.

ГОЛОС С МЕСТА. Это не звучало.

З.Т. ГОЛЕНКОВА. Ну, по крайней мере, термин прозвучал, это было.

И.Г. ЯКОВЕНКО. Это так и было.

З.Т. ГОЛЕНКОВА. Не так давно мне попала одна книжка, ее автор – Кишор Махбубани. Это сингапурский философ, доктор философских наук, дипломат, шесть-восемь лет он был послом в Канаде, а когда вернулся, написал книгу «Могут ли азиаты думать». Небольшая книжка публицистического характера, вовсе не научная, скорее карманного типа. Но книжка любопытная: в каком плане? Не успела она выйти, как в Америке появились рецензии на нее, в которых автора называли «Азиатский Анти-Вебер». Он очень хорошо построил книжку, в форме своего рода диалога. Первую половину книжки он доказывает, что азиаты не могут, не умеют думать, что они дали возможность западным странам выйти вперед, а сами остались где-то на задворках истории, и в пользу этого тезиса последовательно приводит аргументы. Вторую половину книги он доказывает, что азиаты могут думать и предсказывать, что XXI в. будет веком тихоокеанской цивилизации. Он даже ссылается на нашего Мечникова, представителя географического направления, который доказывал, что будущее — за океанической цивилизацией. Махбубани пишет, что не может все время доминировать только атлантическая цивилизация, ее должна сменить тихоокеанская и приводит в пользу

этого утверждения очень убедительные аргументы. Он подчеркивает то большое значение, которое имеет противопоставление западному индивидуализму восточного коллективизма, семейных ценностей, а также многочисленность населения Азии. Однако такая смена лидера возможна только при одном условии: если Китай и Япония сумеют договориться и, в общем, не будут друг с другом воевать. И в том, что им не дают объединиться, он обвиняет Америку, которая не заинтересована в этом объединении, потому что оно даст Азии возможность победить. Спасибо.

А.В. ТИХОНОВ. Сколько, по Вашим подсчетам, сейчас составляет численность среднего класса в России?

З.Т. ГОЛЕНКОВА. Последнее исследование, которое мы проводили, было исследованием по регионам, и я должна сказать, что в каждом регионе свои цифры. В Москве, в Санкт-Петербурге и в других в больших городах доля среднего класса приближается к 25%. В ряде регионов – около 15 – 20%.

И.Г. ЯКОВЕНКО. Остальные все богатые?

З.Т. ГОЛЕНКОВА: К сожалению, богатых не так уж много. Вот китайцы молодцы, они строят гармоничное общество.

А.П. ДАВЫДОВ. У меня вопрос к Зинаиде Тихоновне: можем ли мы, и нужно ли нам изучать традиционные культурные стереотипы методами количественной социологии? Нужно или не нужно?

З.Т. ГОЛЕНКОВА. Для этого есть разные методики и разные подходы. Очень интересные исследования трудовых отношений есть у Ядова. Считаю, что надо использовать все возможности и методы.

Продолжение следует